

ЛИСТОПАДНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Дворник Листопадов регулярно убирает мощные листопады и едва уловимые листопадики своей специальной листопадной граблей и аккуратненько сметает их в черный мешок для листопадных листьев. Прохожий, бывало, назовет этот мешок обычным мешком для грязного и вонючего дворового мусора. Но данное определение сильно огорчает дворника Листопадова, ибо нет ничего, по его мнению, более обворожительного, чем падающие в мусорный пакет листопадные листья. Вы могли бы подумать, так, невзначай, что Листопадов потому и Листопадов, что вся его жизнь завязана с листопадными листьями.

– Эх, если б это действительно могло быть так! – восклицает с явным сожалением Листопадов.

Эх, если бы это действительно могло быть так, вторит он где-то в глубине самого себя.

Листопадные листья всегда соглашаются со своим покровителем, ибо они послушны от природы. Старые листья стареют, появляются новые, еще зеленые листики, но уже и они знают о покровительстве Листопадова и что он здесь главный!

– Разве для вас не мэр главный, – с надменной улыбкой обращается к листопадам проходящий мимо чиновник. – Именно по его велению вы собираетесь в организованные кучки, а не болтаетесь в одиночку в грязных лужах. Разве не мэр?!

– У вас мэр, – раздаются отовсюду разрозненные, дрожащие от холода осенние голоса листьев. – А у нас главный – Листопадов.

Без лишних подробностей отвечают листья. Другие, коих большинство, вообще помалкивают, потому как неболтливы в сущности.

– Говорящих листьев в природе не бывает! – бросает вслед дерзким листьям чиновник и шагает себе дальше.

Листопадов не возражает. Некогда ему, листопадных дел мастеру, пререкаться и противоречить. Вон сколько листьев надо собрать по всему свету! Листьев, их больше, чем каких-то проходящих мимо. Со всяким остановишься, поспоришь, и разлетятся шуршащие разноцветные кораблики по всей округе – и не догнать, не собрать. И листья тоже это знают, а потому слушаются Листопадова беспрекословно. Иногда, изредка попросятся в особые кучки, мол, я тут сын-дочь, родня какая, положи ты нас, милый Листопадов, в один мешок. Листопадов соглашается.

– Конечно, – говорит он мягким голосом, – соберу вас в одну кучку, семья – это ячейка общества!

Листопадов – доброй души листопадный дворник, уж если о листьях так заботится, чего уж говорить о людях и животных, подумаете вы. Ан нет. Заботиться он вполне бы готов, но не обо всех, ибо и в кругах животных есть недоброжелатели листопадов. Возьмем собаку, с небрежностью разрывающую ворох осенних листьев или, простите, наглым манером исправляющую нужду на великие труды Листопадова. Как тут возлюбить? Вот вам и загвоздка, ибо никак, при всем уважении к братьям меньшим, никак не получается даже у него, у Листопадова. Об остальных умолчим тем более.

Но если говорить в целом, обобщенно, то Листопадов миролюбив до невозможности, до беспредельности кроткого человека. А как иначе – мировоззрение формирует личность, а мировоззрение Листопадова всем мировоззрениям из примеров

пример. Прочитал он когда-то в детстве, а может и кто под диктовку ему прочитал тогда, Антуана де Сента Экзюпери про уборку планеты, втемяшилось это в его детскую голову – не выбить! С тех пор и пошел Листопадов убирать свои листья, тем более фамилия обязывала.

ОЧКИ

Сегодня мне, прекрасно отдохнувшему на Крымском побережье, загоревшему и вполне счастливому тридцатилетнему парню, позвонила родная тетка и обычным голосом произнесла:

– Привет, Костян. Вернулся? А только что умерла твоя бабушка (кстати, ее мать и моего отца тоже). Она знала, что ты вот-вот должен приехать. Ждала. А потом я ненадолго ушла в магазин и увидела ее уже на полу...

Я положил продолжавшую невыносимый монолог трубку и тотчас решил поехать к бабушке. Увидеть ее в последний раз. Но сразу поехать я не смог физически. Я очутился на мокром от разбитой кружки полу. Больше всего на свете мне хотелось, чтоб она мне каким-то образом ответила, как в детстве, когда я просыпался от ночного кошмара или пугался темноты: «Я здесь! Не плачь, мой хороший». И зловецкий мир в это же мгновение освещался ее теплым, скрипучим и умиротворяющим голосом. «Бабушка, – шептал я и в этот раз. – Милая бабушка! Только скажи, что ты здесь, дай знать, что мир не конечен, что ты слышишь меня, что ты где-то совсем рядом». Но больше бабушка не отвечала. И вселенная молчала тоже.

В пустой комнате с выставленной теткой на ветхую тумбочку фотографии улыбался мне самый дорогой человек, и горела свеча. Да, у меня были мама и отец, любимые и обожаемые, но бабушка есть бабушка, это надо понимать. Невольно я опустился на колени и закрыл ладонями лицо. Под ногами оказались треснувшие бабушкины очки в старой оправе, никем не замеченные. Самая дорогая реликвия из найденных мной в доме. Остальное тетка, вероятно, успела вышвырнуть вон. Я положил очки в карман и навсегда попрощался с комнатой, согревавшей меня столько долгих лет, комнатой, где чай с вареньем казался лечебным, а бабушкины шершавые руки волшебными...

– И всего-то? – с высокомерием заметите вы. – Всего-то одну книжку прочитал и стал Листопадным навеки вечные? Выдумка это все!

– Ха-ха, – ответит вам дворник Листопадов.

– Ха-ха, – прошуршат опавшие листопадные листья.

Мне шестнадцать лет, я получил в подарок долгожданный кассетный плеер! Он был весь беленький-беленький, новенький и «ваще предел всех мечт». Я клянчил его у родителей целый год, и вот, сбылось. Комната, в которой я обитал, сразу наполнилась любимыми мелодиями. Особый кайф был в том, что это никто-кроме-меня-не-слышал! Я ритмично дергался часами – в такт музыке, переставлял затертые кассеты и «однозначно балдел». Бабушку мое вихляние, скорее, забавляло, к новинкам она обычно относилась спокойно, но неожиданно для меня вдруг запросила послушать эту штучку.

– Вот так помру и не узнаю, что такое плеер, – шутила моя бабуля.

Она была грузной и неуклюжей, поэтому я с целью сохранности техники уложил бабушку на диван, надел на нее свои наушники, а сам плеер положил прямо на живот... Но просчитался. Бабуля заулыбалась музыке, решила немного повернуться, и злосчастный плеер соскользнул прямо на пол. Плавно так соскользнул, без причинения ему вреда. Но нас с бабушкой охватил обоюдный испуг, а я, подрощенный недоумок, еще посмел и накричать на нее: замечу, я был в таком гневе впервые. Потом, конечно, мы помирились. Плеер оказался целым и невредимым, а я всю жизнь чувствовал себя виноватым за этот предательский крик. «Идиот, – ругал себя я, – как я посмел на нее разозлиться, ведь если бы ни бабушка, то не видать мне этого плеера как своих ушей. Она уговорила родителей его купить, да и вообще, она дала жизнь моему отцу. И если бы не было ее, не было бы даже меня, не то что плеера». Это воспоминание мне и сейчас не давало покоя. Сколько я бы отдал плееров, машин, квартир, да что квартир, своих лет жизни, чтобы она еще пожила...

Мне всего восемь лет, и я окончил первый класс. Бабушка на лето всегда уезжала в деревню,

куда по возможности забирала и меня. Мне совсем не нравилась эта глухомань, зато пленяла мысль о совместной жизни с бабулей при отсутствии родительского контроля. Я спал, сколько хотел, гулял, сколько вздумается, ел только то, что нравилось: бабуля безупречно варила красный свекольный борщ, пекла пирожки с вишней и жарила картошку. Вечерами мы гуляли вместе. Бабушка освобождалась от дневных забот, и мы бродили вдоль березовой, уходящей в лес аллеи с нашим верным псом Леликом, которого я подарил бабушке. Нельзя сказать, что бабуля мечтала о собаке. Но принесенного мной с улицы белого и веселого щенка она, к моему удивлению, оставила. Мне в тот момент показалось, что бабушка обрадовалась Лелику, и лишь теперь я понимаю, что это было желание угодить мне, любимому внуку. Она – единственная, кто любил меня таким, какой я есть, просто за то, что я есть. Родители воспитывали, друзья испытывали и проверяли, возлюбленные оценивали, а бабушкина любовь была выше и сильнее, ибо в ней было какое-то вселенское добро и милосердие, которое особым образом преломлялось и на меня...

Вагоновожатый позволил мне в этот печальный день не платить за восьмичасовое катание в трамвае. Он только изредка поглядывал на меня через боковое зеркало. Я, не отрывая глаз от окна, с пригорбим смотрел на мелькающие лица прохожих и завидовал их беспечности. Мне никогда не быть таким, как прежде, ни-ког-да... Потускневшим от горя вечером я поблагодарил уезжавшего в депо водителя трамвая и протянул ему руку.

– Я здесь давно работаю, – сказал мне вагоновожатый, – но впервые вижу такого несчастного пассажира. Все будет хорошо.

Нашу начавшуюся беседу нарушил резкий звонок мобильного телефона. Я нехотя взял трубку.

– Вы Константин?

– Возможно.

– Вас беспокоят из морга. Вы только не волнуйтесь. То, что случилось сегодня...

– Не могли бы вы по возможности сократить вашу речь. Я очень плохо соображаю.

– Простите, мне надо было начать с главного. Ваша бабушка жива. Она пока в реанимации, но уже ждет вас и просит привезти ей очки.

